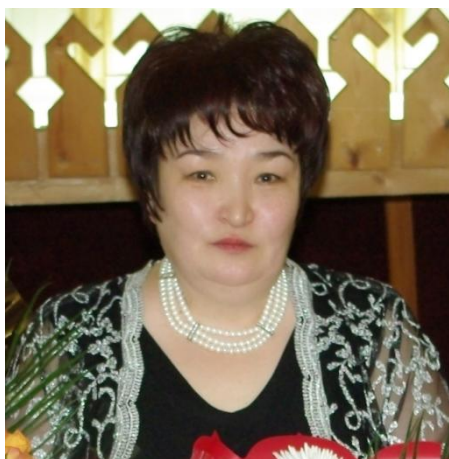

УДК 316.346(571.56)(082)

Формирование социокультурного пространства Арктики в контексте межкультурного взаимодействия (на примере Якутии)

© **Васильева** Нина Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, сектор арктических исследований. *Приоритетные темы исследований:* социокультурное развитие народов Якутии, традиционная культура, история религии. E-mail: oiuna@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования единого целостного социокультурного пространства арктического региона Якутии. На основе опубликованных и неопубликованных источников показаны изменения этнического состава, хозяйственная дифференциация природно-ландшафтной среды, становление новых видов хозяйственно-культурных комплексов. Особое внимание уделяется проблемам межкультурного взаимодействия в области духовной культуры народов региона.

Ключевые слова: традиционная культура, межкультурное взаимодействие, коренные народы Арктики.

The formation of the sociocultural space of the Arctic in the context of intercultural interaction (the case of Yakutia)

© **Vasilieva** Nina, Candidate of historical sciences, Assistant Professor, Research institute for humanities and the problems of the indigenous peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, sector of Arctic research. *Priority research themes:* sociocultural development of the peoples of Yakutia, traditional culture, history of religion. E-mail: oiuna@mail.ru.

Abstracts

The article considers the formation process of the unified integral sociocultural space of the Arctic region of Yakutia. Based on both published and unpublished sources we show changes in ethnic composition, economic differentiation of the natural environment and landscape and the emergence of new types of economic-cultural complexes. Special attention is paid to the problems of intercultural interaction in the domain of spiritual culture of the peoples of the region.

Key words: traditional culture, intercultural interaction, indigenous peoples of the Arctic.

Якутская область, как известно, расположенная на севере-востоке Азии, как административно-территориальный субъект России входила в состав Восточного-Сибирского генерал-губернаторства. Она занимала огромное пространство (3,5 млн. кв. км), что составляло около седьмой части территории империи. Область была разделена на 5 округов, образованных в 1822 г.: Якутский, Вилюйский, Олекминский, Верхоянский и Колымский. Округа, в свою очередь, делились на волости, улусы, а те – на наслеги и родовые объединения кочевых народов области. По национальному составу Якутия уже в то время была полиэтничной, включавшая около 80 представителей различных народов России, в т. ч. и иностранных граждан.

Как и в других регионах планеты, природно-географические условия региона оказали определяющее влияние на формирование хозяйственно-культурных укладов жизнедеятельности коренного населения и обусловили крайне дисперсный характер расселения [1, с. 12]. В начале XX в. в структуре экономики края произошли определенные изменения, но в основе своей она была представлена «аграрными формами производства, связанными с традиционными способами хозяйствования коренного населения (скотоводство, коневодство, оленеводство, рыболовство, охотничий промысел и т. д.). В то же время в экономику активно проникали элементы рыночных отношений и появились зачатки промышленного производства. Развитие торговли способствовало улучшению транспортной схемы, прежде всего через расширение судоходства... продолжал укрепляться торговый капитал, в составе которого зародилось национальное купечество..., осуществлявшее крупномасштабные торговоснабженческие операции на огромной территории северо-востока» [5, с. 34].

Произошли некоторые изменения и в культуре народов Якутии. Активное взаимодействие с русской культурой и христианизация края положили начало интеграции коренных народов в более широкое духовно-культурное пространство, был открыт доступ к образованию, к культурному наследию русской и мировой культуры. Это привело к зарождению якутской письменности, литературы, периодической печати и духовно-интеллектуальной элиты. Были заложены основы для становления современной (в данном случае имеются в виду европейские классические формы, т. е. западной цивилизации) культуры. Однако новый тип культуры стал складываться среди сравнительно небольшого круга людей, в который входили главным образом представители элиты якутского народа. Основная же часть населения Якутии продолжала жить в традиционной социокультурной среде.

В начале XX в. север Якутии включал в себя два громадных по территории административных округа: Верхоянский и Колымский. Впоследствии постановлением ЯЦИК ЯАССР от 16 июня 1924 г. вместо двух было образовано три: Булунский, Колымский и Верхоянский [8, с. 128]. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., здесь проживало 29 319 тыс. человек, из них якуты – 20 696 чел., русские – 2039, тунгусы – 4076, ламуты – 738, чукчи – 1280, юкагиры – 392 человека [3, с. 167, 180–181].

Преобладающие в численном отношении якуты к этому периоду расселились по всей территории региона, что не отразилось на целостности социокультурного пространства. Напротив, адаптируясь к новым природным условиям, они не только привнесли скотоводческую куль-

туру, но и освоили традиционные отрасли хозяйства аборигенов. В результате естественной структуризации территории и дифференциации способов их использования сформировались субэтнические группы северных якутов: якуты-оленоводы на северо-западе Якутии, охотники и рыболовы в низовьях Северного Ледовитого океана и скотоводы в бассейнах рек Яны, Индигирки и Колымы. То же самое относится и к русскому населению, в особенности к русским старожилам, предки которых начали заселяться на севере еще с XVII в. По подсчетам И.С. Гурвича, согласно Похозяйственной переписи приполярного Севера 1926–1927 гг., в этот период «на севере Якутии сохранились 2 русских старожильческих района – низовья Колымы и низовья Индигирки. Общая численность старожильческого русского населения вместе с обруселыми группами не превышала 1200 человек» [4, с. 251]. Усть-оленинские и усть-янские русские крестьяне еще в конце XIX в. полностью обьякутились и утратили самобытные черты. По данным переписи 1926 г. они по поводу национальной принадлежности относили себя либо к якутам, либо назывались «крестьянами» [2, с. 43; 4, с. 251]. Русское старожильческое население, также приспособившись к условиям арктической зоны, освоили традиционные отрасли хозяйства аборигенов, усовершенствовав некоторые орудия промысла – рыболовство, пушной промысел и собаководство. Кроме того, они занимались и заготовкой мамонтовой кости, охотой на диких оленей.

Как известно, в конце XIX в. юкагиры, некогда крупный этнос, в силу неблагоприятных обстоятельств, вызванных эколого-экономическими и медико-генетическими причинами, резко уменьшился в численности и уже тогда практически утратил свою самобытную культуру. В начале XX в. они были дисперсно расселены небольшими родами в верховьях Колымы, между рр. Колыма, Индигирка, Яна и Лена. Верхнеколымские юкагиры вели полукочевой образ жизни, занимались в основном охотой, рыболовством и собаководством. В отличие от них тундренные юкагиры вели кочевой образ жизни, основным занятием их была охота на диких оленей. С середины XIX в. некоторые семьи этой группы юкагиров стали приобщаться к пастушескому оленеводческому хозяйству чукчей и заимствовали методы ведения домашнего оленеводства [2, с. 48, 53].

Относительно большой численностью отличались тунгусы и ламуты (эвенки и эвены), которые к этому времени расселились во всех трех округах: в Булунском – 2247 чел., Верхоянском – 1898 чел., Колымском – 669 чел. Следует отметить, как считают исследователи, материалы переписей 1926 и других годов о численности этих народностей имеют большую путаницу в определении этничности. Многие представители эвенов (ламудов) были отнесены к эвенкам (тунгусам), тогда как уже в XIX в. фактически на северо-западе на основе бывших тунгусов и смешанного с якутами и частично с русскими старожилами сложились две новые общности: северные якуты-оленоводы (ныне Оленекский улус) и новая северная народность – долганы (ныне Анабарский улус). Вместе с тем, в свете новых событий, происшедших за последние годы, довольно спорным является вопрос о национальной принадлежности северных якутов Оленекского улуса. В настоящее время улус получил статус национального и, уже начиная с переписи 1989 г., население этого улуса самоидентифицируется эвенками. В нашей статье мы не будем останавливаться на столь важной проблеме в виду того, что это не входит в за-

дачи исследования. Для нас главным является то, что они к изучаемому периоду сохраняли традиционную культуру тунгусов, несмотря на полную утерю языка. Что касается ламутов, т. е. эвенов, то в этот период они жили в бассейне р. Колымы, по Индигирке, Яне и Омолону. У этих народов также в основном сохранялось традиционное хозяйство и носило оно комплексный характер: оленеводство, охота и рыболовство [4, с. 224, 229, 230].

Как показывают материалы переписи 1926 г., на севере Якутии чукчи сосредоточились в Колымском округе – 1274 чел., в Булунском округе их зарегистрировано только 8 человек. Интенсивное развитие в XIX в. крупнотабунного оленеводства у чукчей способствовало их дальнейшему продвижению на запад практически вплоть до Верхоянского округа. По мнению С.И. Бояковой, экономическая и политическая независимость чукчей позволило им в наибольшей степени сохранить свою культурную целостность, несмотря на тесные контакты с соседними народами. Кроме того, как отмечалось выше, именно благодаря им к пастушескому оленеводческому хозяйству приобщились юкагиры и колымские эвены [2, с. 53].

Таким образом, несмотря на изменения в хозяйственной ориентации некоторых групп коренных народов, появлении новых видов хозяйствования, единая природно-ландшафтная среда и межкультурное взаимодействие способствовали сохранению «особого типа региональной цивилизации – арктической или циркумполярной» и расширению границ хозяйственного освоения за счет введения в промысловый оборот островов Северного Ледовитого океана. Традиционные системы жизнеобеспечения народов Севера основывались на экологически сбалансированном способе природопользования. Как и другим природным сообществам России, для народов Севера была характерна целостность общественной жизни, когда человек не отделен от природы и существует в гармонии с ней и ее законами. Все это способствовало сохранению традиционной духовной культуры, ее мировоззренческой основы, важнейшим свойством которой являлся синкретизм, нерасчлененность мировосприятия. Синкретизм проявлялся и в самой структуре культуры, недифференцированностью отдельных ее сфер с выработанными самостоятельными функциями.

Не привело к кардинальным изменениям в картине мира и принятие православия, которая теперь состояла из фрагментов и того, и другого. Что вполне естественно, так как никто не может принять новую картину мира сразу целиком и полностью. Иными словами, изменение мировоззрения шло не путем полной замены старых образов новыми, а путем наслаивания, добавления нового к сохраняемому старому. Как и славяне в свое время, по справедливому замечанию А.С. Хомякова, народы Севера восприняли «только внешнюю форму, обряд, а не дух и сущность христианской религии» [6, с. 193]. К тому же, религиозная православная система, в отличие от протестантской этики, веками «программировала» своих приверженцев в большей степени к интравертности, к индефферентности материальным ценностям. И это как нельзя лучше подходило к ценностным ориентирам природных сообществ.

Картина мира народов региона, как известно, состояла в обожествлении и одухотворении природы, в наделении мыслящей человеческой силы и человеческого образа за предметами и явлениями природы. Сложившиеся традиции и обычаи показывали отношение людей к природе как к культурному, а не дикому ландшафту. Это говорит, прежде всего, о высокой эко-

логичности духовной культуры северян, ее адаптивной стратегии по отношению к окружающей среде.

К примеру, важное значение придавалось в почитании северян, впрочем, как и у других народов природных сообществ, солнцу – «источнику тепла и жизни на земле». Юагиры не только обращались к нему за благорасположением, но и призывали в свидетели во время военных столкновений. По представлениям чукчей, в отличие от луны (луна – это солнце злых духов – кэлэт), «солнце – это благожелательное ваыргын» (добрый дух) в виде человека в блестящих одеждах, у которого просили помощи и защиты. В мифологическом сознании эвенов, помимо верховного божества – Сэвэки, солнце, луна и земля имеют равный статус и они, обращаясь к нему как к свету земли, называют себя его детьми и творениями. Хотя известно, что создателем, согласно мифологии эвенов, среднего мира и всего живущего на нем является Сэвэки. Существовал специальный обряд, при котором приносили в жертву или посвящали оленей белой масти.

Даже у северных якутов, в то время уже имеющих сформировавшийся политеизм, стройную иерархию пантеона божеств-айыы, сохранялся культ Солнца, равно как и Земли, Неба, присущих тюрко-монгольскому миру и, верховное божество Юрюнг Айыы Тойон ассоциировался как главное солнечное божество. Исключением среди северных якутов могут быть якуты-оленоводы, охотники и рыболовы, в мировоззрении которых к этому времени многие божества-айыы конного и рогатого скота, в том числе и Юрюнг-Айыы Тойон, практически были стерты в виду переориентации в хозяйственных занятиях.

В системе религиозных представлений народов Севера особое место занимали духи-хозяева окружающей природы, различных стихий, животных и предметов обихода. Они все практически имели человеческий образ, но не все в равной степени почитались. Наиболее почитаемыми у разных народов выделялись духи-хозяева в зависимости от основного хозяйственного занятия и природно-ландшафтной среды. Общими для всех являлись, пожалуй, дух-хозяин огня, дух-хозяин охотничьего промысла и дух-хозяин местности. Существовали специальные обряды, обычаи, определенные запреты, посвященные тому или иному духу-хозяину. В этом плане интересно обратиться к русским старожилам, в мировоззрении которых можно увидеть, как отразилась смена места обитания и влияние культуры аборигенов. Как пишет А.Г. Чикачев, православные, а, в сущности, оставаясь язычниками, они в качестве хозяина тундры почитали «Сендушного». «Сендуха» воспринимался ими в образе человека без бровей, носящий обычную одежду, которую застегивал наоборот. Он – человек семейный, ездит на нарте, запряженной волками и в церковь не заходит. Ему присущи человеческие пороки, осуждаемые православной церковью. Он любит играть в карты, но без тrefовых мастей, т. к. они напоминают крест. Примечательно, что в восприятии русских старожилов «Сендуха» – существо могущественное, имеющий статус равный богу и охватывал он не только собственно тундру, но и весь окружающий мир. Тем не менее, по-видимому, встреча с ним в тундре, не приносила удачи и поэтому следовало совершать охранительные действия. Увидев его, надо было либо перекреститься, очертив себя вокруг, либо поставить деревянный крестик. Этот момент хорошо отражает синкретизм религиозного мировоззрения русских старожилов. Доб-

рым духом, хранителем домашнего очага был «сушедко», который кочевал вместе с хозяевами. Он представлялся в образе маленького старичка с белым песцовым воротником. В каждой избе для подкармливания (задабривания) «сушедко» в углу за камельком обязательно вешали юколу [11, с. 90].

Общеизвестно, что в традиционной культуре праздник является особенно значимым событием, поскольку выполняет функцию регуляции эмоционального состояния и воплощения психической энергии в формы коллективного опыта. Важная роль праздника как гарантии целостности общества обусловлена, естественно, связью его обрядовой стороны с культом. Как пишет Е.Н. Романова, «диалог человека с миром Природы, с окружающей средой создавал своеобразный кодекс взаимоотношений. Человек включался в природу, соотнося с ней свою хозяйственную, социальную, ритуальную и биологическую жизнь. В этом отношении в богатейшем духовном наследии народа саха, в их историко-культурной традиции особое место принадлежит календарным обычаям и обрядам, связанным с трудовой деятельностью. Механизмом поддержания гармонии Природы и Человека в якутском обществе выступал народный праздник Ысыах» [9, с. 79]. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что северные якуты-скотоводы сохранили этот центральный обряд якутской культуры [10, с. 253]. Этот праздник являлся религиозным молением Небу, Земле, Воде с бескровными жертвоприношениями, кроплением кумыса для умилоствления верховных божеств-айыы и духов-хозяев, чтобы они благоприятствовали дальнейшему благополучию и процветанию народа. У якутов этот праздник являлся главным обрядовым действием в традиционной культуре, в основе которого лежала «система ритуалов, символизирующих творение, обновление, восстановление жизни» и наступление Нового года. Он сопровождался ритуальной трапезой, играми, гаданиями, национальными состязаниями и обрядовым танцем «осуохай» [9, с. 80].

У чукчей, например, как у оленеводов, так и прибрежных, каждому сезону хозяйственной деятельности соответствовал свой обрядовый праздник, также сопровождавшийся жертвоприношением, угощениями, увеселениями и спортивными состязаниями. У оленных чукчей календарными праздниками были осенний «убой тонкошерстных молодых оленей», проводившейся в августе и в сентябре праздник «делания шкур для одежды» в сентябре. Затем следовали праздники, связанные с установкой зимнего жилища – «кормление» созвездия Пегыттын во время зимнего забоя оленей, когда заготавливали мясо на вторую половину зимы и весной в связи с разбивкой стад (отделение важенок от быков и молодняка), перехода на летние пастбища. После отела важенок отмечали праздник рогов (килвэй) и др. Наиболее важными праздниками у приморских чукчей были жертвоприношение морю, праздник байдары (спуска на воду) и праздник, посвященный Кэрэткуну – владыке всех морских зверей.

Подробное описание праздника, проводимого эвенами весной, когда «олени начинают метать пыжиков» (переход на летние пастбища и отел важенок), дано И.А. Худяковым в его книге «Краткое описание Верхоянского округа». Съезжаться на стойбища начинают с конца марта богатые эвены, а бедные попозже и собираются в начале мая. Время стоянки – до последних чисел июля. Днем они отдыхают, а праздник начинается, «когда солнце уже совсем склонится к вечеру. Вставши, умыв лицо, нарядившись и помолясь образам в юрте или на восток,

ламуты садятся пить чай, который они очень любят... сперва мужчины, потом женщины. Вслед за чаем едят несколько вареного оленьего мяса или диких баранов и прочих зверей (т. е. ужинают). Затем начинаются забавы, и ламуту уже не до еды, зато он пьет большое количество воды. Повеселившись всю ночь, ложатся уже утром, когда солнце не только взошло, но уже начинает пригревать». Забавами в данном случае были национальный круговой танец эвенов – сэдьээ, исполнение песен, сказок, стихов-импровизаций, спортивные состязания, игры [10, с. 100–101]. Здесь следует остановиться на одном важном моменте, где говорится о том, что эвены перед едой и собственно празднеством совершают молитву православным божествам. Это, прежде всего, подтверждает тот факт, что в культуре эвенов и других народов севера, православные и традиционные обряды не противопоставлялись и не расчленились, а взаимодополняли друг друга. В целом православные обычаи и обряды к началу XX в. довольно прочно вошли в быт и культуру народов Якутии. Как свидетельствует имеющаяся литература, у коренных народов данного региона, важное место в жизни общества также занимали различные обряды, связанные с культом животных (медведя, лося, птиц и т. д.), промысловые, семейные и, конечно же, традиционные обряды жизненного цикла, которые в повседневной жизни тесно переплетались с православными.

Важное место в жизни народов региона занимали и шаманы. И хотя шаманство не отделилось от производственно-хозяйственной деятельности, тем не менее оно представляло собой определенную профессию. Сохранялась традиционная форма становления профессиональных шаманов (институт избранничества, школа подготовки и посвящения, шаманская иерархия и атрибутика). Исключение, пожалуй, составляли чукчи, у которых функции шаманов выполняли наиболее одаренные подобными способностями члены семьи. В каждой чукотской

семье имелся шаманский бубен, иногда их было несколько, т. к. камлать могли и несколько членов семьи. У них шаманы специального одеяния не имели, их отличали лишь по большому количеству амулетов и кисточек, нашитых на одежду (на рисунке – якутский шаман. Он есть посланник духов, учитель, лекарь. URL: <http://www.yakutsk-photo.ru/in-dex.php?rid=122>). В начале XX в. шаманы обслуживали многие обряды, связанные с повседневной и трудовой дея-

тельностью. Важное место занимал шаман в погребальном обряде. Что касается семейных, промысловых и хозяйственных обрядов, к услугам шамана прибегали в случае, когда считали, что именно «злые духи» своим вмешательством причиняют вред скоту (болезни, падеж, большие эпизоотии), при длительной неудаче в промысле, при бесплодии женщин, смерти новорожденных и т. д. Самой распространенной функцией шаманов являлось врачевание. Надо сказать, что лечебная практика шаманства основывалась на достаточно развитой народной медицине. Но главным способом лечения в их практике была психотерапия. Они также выступали в качестве предсказателей, поэтов, артистов, духовных наставников. Основой существования и функционирования шаманства являлось традиционное мировоззре-

ние, включавшее в себя как религиозно-мифологические представления, так и систему рациональных знаний. В своей практической деятельности они опирались на накопленный веками и бережно передаваемый багаж национальной культуры. В литературе не раз отмечалось, что были шаманы и русского происхождения. Услугами шаманов как целителей, предсказателей пользовались и представители некоренного населения, в том числе и чиновники, и даже лица из числа православного духовенства. В начале XX в. среди русскоустыинцев, как пишет А.Г. Чикачев в указанной выше работе, были даже две-три попытки совершать камлание на русском языке, что, правда, обществом не было воспринято, а вызвало массу насмешек [11, с. 101].

«Отношения человека с природой легли в основу и социального обустройства арктических народов. Преобладали родоплеменные объединения, в которых олени пастбища или промысловые угодья находились в общинной и семейной собственности, существовали коллективные формы труда и распределения продуктов, главенствовали принципы взаимопомощи и другие способы коллективного выживания» [2, с. 10, 17]. В этом плане нелишним будет привести вновь пример о русских старожилах из указанной работы А.Г. Чикачева: «Издавна поддерживались товарищеские отношения с окружающими соседями – якутами, юкагирами, эвенками и чукчами. Особенно дружественными отношения были с юкагирами и эвенками. Старожилы строго соблюдали заповеди отцов и дедов: «никогда не обижай юкагира, они благородные и честные люди», «помни: ты сделаешь юкагиру добро один раз, он тебе сделает трижды». Очень много полезных и добрых традиций «первобытного коммунизма» переняли они у аборигенов. Кроме кровного, существовал еще один вид родства пришельцев с аборигенами. Так называемое «крестовое побратимство» [11, с. 90].

Существующие родоплеменные отношения и проживание в единых экстремальных природно-климатических условиях способствовали сохранению родовых ценностей, культа предков. Старший рода, общины являлся носителем мудрости и от его знаний зависело благосостояние всех, что, прежде всего, накладывало на него ответственность. И, как правило, он выполнял функции старшины (главы), а его власть опиралась либо на наследственность, либо на традицию (выборность). Разумеется, это были люди состоятельные. И это не случайно, т. к. только человек, обладающий мудростью и способностями лидера, усвоивший нужные знания и умеющий применять их на практике, мог стать человеком состоятельным и управлять социумом. Подобная система управления среди коренных народов региона соответствовала традиционному мировосприятию об устройстве и функционировании социального организма.

Как видно, север Якутии начала XX в. представлял единое и целостное социокультурное пространство. Изменение этнического состава, увеличение численности и в какой-то степени уплотнение населения сопровождалось хозяйственной дифференциацией природно-ландшафтной среды, все еще равноправным диалогом, взаимообогащением культур. Шел процесс межкультурной адаптации и аккультурации, когда две (или несколько) культуры в равной мере усваивают элементы культуры друг друга и тогда картина мира взаимодействующих этносов, хоть и изменяется, но ядро их остается неизменным. Это в равной степени относится и к русским, т. к. общеизвестно, что русское православное население, во-первых, в

начале XX в. все еще сохраняло языческое мироощущение, связь с природой, т. к. основная масса была крестьянами-земледельцами, скотоводами и на севере России, как и коренное население Якутии, охотниками и рыболовами. А мы знаем, что русские старожилы были выходцами из севернорусских земель. Во-вторых, присущ русским был и общинный характер социальной организации со всеми родовыми, общинными и семейными ценностными ориентациями. Что же касается юкагиров, то здесь намного сложнее ситуация, т. к., безусловно, главным фактором здесь выступает небольшая численность народа, что делает их особенно уязвимыми не только в плане сохранения этнической культуры, идентичности, но и просто в биологическом воспроизводстве этноса. С другой стороны, как свидетельствуют материалы, традиционные культуры северных народов, принадлежащие одной исторической эпохе и сосуществующие в одном ценностно-смысловом пространстве, не привели и не могли привести к коренной ломке в картине мира, а, следовательно, к маргинализации юкагиров, т. е. к полной потере своей культуры. При культурном плюрализме ни одна традиционная культура не теряет своей самобытности и не растворяется в другой культуре.

Литература

1. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР. – Якутск, 1988.
2. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы северо-востока Азии. – Новосибирск, 2001. – 160 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальний Восток. Якутская АССР. – М., 1928.
4. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. – М., 1966. – 271 с.
5. История Якутии XVII–XX веков: новые концептуальные подходы / Под ред. В.Н. Иванова. – Якутск, 2000. – 58 с.
6. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. – М., 2001. – 582 с.
7. Красовицкая Т.Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. – М., 1998. – 415 с.
8. Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. – Якутск, 1971. – 168 с.
9. Романова Е.Н. Традиционные представления и религиозные верования саха // Народ саха от века к веку: очерки истории. – Новосибирск, 2003. – С. 73–93.
10. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л., 1969. – 430 с.
11. Чикачев А. Русские арктические старожилы Якутии. – Якутск, 2002. – 112 с.

Рецензент: **Соколова Ф.Х.**,
доктор исторических наук, профессор